Моей прабабушке Фросе.

Сонька лежала в мягкой тёплой постели. Она только вынырнула из сна. Полупрозрачное синее утреннее море затопило комнату. Девочка потёрла глаза, старательно убрала непослушные медные проволочки волос с лица. Рядом с кроватью на скрюченном стуле кряхтела бабушка, с трудом натягивая шерстяные, как будто связанные из сухой цветастой травы, носки.

Сонька повернулась к бабушке, необыкновенно сладкое чувство пощекотало её пятки и, испугавшись, юркнуло под одеяло. Кружка чего-то молочно-малинового опрокинулась внутри, в груди, в самой серёдке, рядом с запрыгавшим сердцем. Девочка вскочила на коленки и с молчаливым нетерпением посмотрела на бабушку. Но та в

своих утренних заботах не замечала внучку. Она аккуратно зачёсывала гребёнкой свои лунные волосы. Прикрывая шею, волосы послушно ложились под зубчики короны.

Когда последние пряди были убраны, Сонька снова забеспокоилась. Она торопливо заёрзала, глядя, как бабушка надевает поверх просторной сорочки синий халат.

– Сонька! Что не спишь?!

Стул жалостливо скрипнул, бабушка подошла к кровати. Соня уткнулась в круглый прянично-ароматный живот.

– Ранешно время, – бабушка погладила её по голове.– Всю ночь ворочалась, вскочила в такую рань – спи.

Сонька засопела.

– Кому говорено?

Девочка послушно укуталась в одеяло. Но как только бабушкины тапочки ушаркали на кухню, она снова вскочила и посмотрела на настенные часы. Длинный ус у них был вздёрнут ко лбу, а маленький совсем упал к подбородку.

Соня тихонько вернулась на остывшую подушку и придвинула к себе Хорька – выцветшую плюшевую белку, у которой не доставало одной лапы. Из кухни доносились хрип радио и звон посуды. Соня закрыла глаза, но сны не захотели высовывать хитрые чёрные носики из своего пухового домика.

Девочка принялась недовольно дёргать за ухо одеяло. Она толкала его ногами и откидывала в сторону. Когда оно оказалось на бабушкиной половине кровати, Соня отвернулась к стене. Теперь на неё смотрели олени с мягкого ковра. Соня стала теребить его бахромчатую красную бороду. Но вдруг ей почудилось, что часы перестали дышать. Она замерла и прислушалась: нет, тикают.

Немного поелозив, Соня успокоилась и не заметила, как к ней подкрались маленькие сны. Толкая и перебивая

друг дружку, они шептали о сердитых дверях и хитрющих часах.

Но скоро свет разогнал всех сказочников. Девочка открыла глаза и посмотрела на часы – усы у них бодро торчали в стороны. Сонька спрыгнула с постели, скинула сорочку, натянула майку и шортики. Из кухни медленно выплывал плюшевый аромат какао. Сонька скорее потопала туда.

– Носки где? – спросила бабушка, доставая из ковша яйца дырявой ложкой.

Соня выскользнула за дверь.

Выкрашенные в луковой шелухе шерстяные носки прятались под кроватью. Надев их, Сонька схватила Хорька и побежала вприпрыжку обратно.

На столе её уже ждал завтрак: молочная каша с утонувшим кусочком масленого солнышка, яичко и стакан горячего какао.

– Пошто притащила его сюда? Взяла моду, – проворчала бабушка, очищая яйцо для Сони.

Девочка осторожно посадила Хорька на краешек стола и принялась за кашу.

– Эка! – удивилась бабушка. – И даже заставлять не нужно, ишь как уплетает, – рассмеялась она. – А ты чего вскочила нынче в рань?

Соня пожала плечиками, хитренько улыбнулась:

– Ты тоже рано встала, – и заболтала ножками.

– Ну, так обо мне другой разговор. Я и не могу спать уж много. Сон нейдёт. А сегодня и вовсе почти глаз не сомкнула.

– Баба, расскажи сказку!

– Нельзя утром сказки сказывать, в Бабу-Ягу превратишься…

Трескучий дверной звонок перебил бабушку. Сонька пискнула, слетела со стула и, не чувствуя под собой земли, помчалась в коридор.

– Танька…Туфу ты! Сонька! Куда?! Постой! – раздалось позади.

Но Сонька неслась, не оглядываясь. Бабушка, тяжело переваливаясь, спешила за ней.

– Что бегаешь как савраска? Ну-ка, поди от двери, – осипшим голосом сказала бабушка в коридоре.

Опершись на дверь, она посмотрела в глазок, поджала сиреневые губы. Сонька следила за бабушкиными руками, которые коричневыми корнями тянулись к замку. Когда замок щёлкнул, девочка запрыгала на месте. Дверь открылась – на пороге появился дядя Витя.

– Привет, егоза! – растопырил он в стороны рыжие усы. – Мам, картошки вот тебе занёс, заходить не буду, побегу. Ольгу надо ещё в больницу везти.

У Соньки в глазах немного помутнело, потом её больно ущипнула обида. Не глядя на бабушку, девочка побежала на кухню. Там, рядом с остывающей кашей, её ждал Хорёк: «Ну?! Что?» Сонька промолчала.

Вернулась бабушка и сразу принялась сердито скоблить плиту. Девочка взяла своего облезлого глупого Хорька и стала щипать его хвост.

– Сонька, подай судомойку, – вдруг хмуро скрипнула бабушка.

Внучка протянула тряпочку.

– Ишь кашу.

Бабушка ещё сильнее заскребла металлической щёткой. Соня взяла ложку и стала размазывать кашу по краям. Показался рисунок на донышке: синяя птица с длинным пёстрым хвостом. Соня с ней всегда соревновалась, кто быстрее съест суп. Девочка знала, что птица эта живёт в тарелке и ворует еду.

– Не балуйся, ишь! – сердито прикрикнула бабушка.

Сонька вздрогнула и затолкала в рот кашу. Бабушка вдруг остановилась. Она повернулась к внучке, достала с холодильника праздничную синюю вазочку, заполненную печеньем, и мягко сказала:

– Ну! Чего кособенишься! Ранешно ишо.

Маленькие грибочки с шоколадными шляпками нетерпеливо выглядывали из вазочки. Девочка посмотрела на бабушку и тихонько улыбнулась.

– Ну что шарёшки выпучила, пей какаво своё, уж поди остыло. Да иди порисуй, тиливизер посмотри.

Вазочку поставили рядом с Хорьком. Когда Соня доела, бабушка вздохнула, взяла её за руку и повела в комнату к зеркалу. Заплела ей косичку-дракончика, достала с полки раскраски, книжечки, которые покупала на рынке. Внучка помогла ей застелить постель: сложила подушки в кривую башню с треугольной вершиной.

Когда бабушка уплыла в своё кухонное царство, Соня посадила на пол Хорька, высыпала из коробки фломастеры и карандаши и уселась на паласе.

Но она недолго листала страницы с котятами и мышатами, читая Хорьку стихи наизусть. Вдруг Соне показалось, что её позвал родной голос, тёплый, нежный, как молоко с мёдом. Она подняла голову и прислушалась. В комнате было тихо. Соньке показалось, что шевельнулась занавеска. Девочка вскочила и подбежала к окошку.

Серый облезлый двор, поджав хвост, вопросительно посмотрел на неё снизу. Девочка в ответ пожала плечами и стала искать. Никого. Даже птиц нигде не было. Пустой домик из кефирной коробки на их балконе тихо грустил.

Вдруг из подъезда кто-то выпорхнул. Это была тётя Марина с верхнего этажа – она подарила Соне голубоглазую куклу. Но Соне больше нравились тётенькины глаза – добрые и тихие, как у коровы. Плащ задрожал крыльями на ветру, и тётя Марина легко вылетела из двора. Маленький фонарик внутри у Соньки потух и провалился в какое-то тёмное холодное дупло.

Девочка приклеилась к стеклу и стала корчить рожи. Но это не помогло. Она принялась кружиться, заворачиваясь в занавеску, как в кокон. Потом включила

бабушкину говорящую книжку с двумя антенками. Посадила Хорька в кресло смотреть мультик, а сама сгребла все фломастеры и раскраски и села рядом на полу.

Фломастеры бодро пахли тройным одеколоном, которым недавно напоила их бабушка. Соня осторожно раскрашивала уши слона в розовый цвет. Сначала она старалась не выходить за границы, но потом серый фломастер решил закрасить всю картинку.

И тогда, собрав всё в коробочку, Сонька засновала по квартире: воспитывала подаренную тётенькой куклу, мирила её с Хорьком, стирала его облезлый хвост хозяйственным мылом, прятала куклу в сонное царство за подушечную башню, мерила бабушкины криволапые очки, читала у подоконника газету двору, сердилась и отчитывала усатые часы. Иногда заглядывала на кухню и смотрела, как бабушка лепит пельмени.

Наконец, Соня решила отдохнуть и залезла в шифоньер. Там её укутал аромат мандариновой кожуры, которой бабушка отпугивала моль. Соня нашла небольшую коробку со старыми открытками и принялась их разглядывать. От них пахло тайной. На дне Соня нашла круглую красную коробочку «Звёздочки» и попробовала открыть. Девочка поковыряла крышку, потом в ход пошли зубы. Когда крышка поддалась, Соня ткнула пальцем в бледно-жёлтую мякоть и намазала нос себе и Хорьку, чтобы не чихали. Яркий мятный аромат тут же обжёг прохладой нос.

Девочка закрыла мазь и убрала на место, достала небольшую стопку чёрно-белых фотографий, перевязанных зелёным бантиком. Соня развязала его и стала разглядывать снимки, на которых смеялись чужие люди.

Ей попалось небольшое фото, на котором маленькая, очень похожая на неё девочка прижалась к бабушке и дедушке. В руках она держала – Хорька! Сонька недовольно посмотрела на своего любимца: этого он ей не

рассказывал. На фото у игрушки был бодро-пушистый вид и целы все лапы. Да и бабушка тут была другой: волосы кудрявые, тёмные, сама худенькая. У дедушки были такие же усы, как у дяди Вити, только он казался добрее.

– Сонька! Иди исть! – позвала бабушка.

Девочка вздрогнула и выронила фотографию. Тут она увидела, что на обратной стороне было крупными буквами выцарапано: ТАНЯ.

– Сонька! – снова позвал голос.

Девочка посмотрела на часы, их усы были вздыблены вверх, только короткий ус чуть отошёл от своего высокого брата, которому нравилось прилипать ко лбу. Время обеда. Быстро убрав фото и коробку обратно, она тихонько прикрыла дверь, чтобы бабушка не услышала, и поплелась на кухню.

– К трём часам надо на пошту поспеть. На рынок ишо, – сказала бабушка, перемешивая соус.

Сонька так и застыла в испуге, не дожевав пельмень. Сглотнув, она посмотрела на бабушку.

– Нече караулить, – даже не взглянула на внучку бабушка. – Ишь давай и собирайся.

Соня стала жевать медленно.

– Чай стынет, чего не пьёшь…

– Я кушаю, – девочка хитро-наивно расширила глазки и протянула тарелку с синей птицей, в которой перекатывались три пельменя.

Птица поняла девочку и тоже стала есть медленнее. Бабушка прищурила глаза. И скоро Соне пришлось идти искать колготки. Они, конечно, как назло куда-то запропастились. Но бабушка легко нашла их под кроватью и велела собираться живее.

Соньке стало вдруг нехорошо, заболела голова и, кажется, она зачихала, вот даже нос намазала «Звёздочкой». Но за мазь бабушка отругала и её, и Хорька. Измерила температуру и отправила в коридор:

– Живёхонько, не придумывай. Одёжу свою ищи. Куртёнка в шкапу. Да шапку не забудь, с кисточкой, синюю. Она теплее.

Наконец собрались и вышли в подъезд. Пока бабушка запирала квартиру, Сонька всё время прислушивалась: нет ли шагов на первом этаже, прижималась к перилам и смотрела вниз. Спускалась она со второго этажа медленнее бабушки, ей всё время казалось, что вот-вот скрипнет дверь… Зато на улице бежала скорее, всем своим видом торопя бабушку, которая превратилась в тихую улитку с тросточкой.

Трость у неё была особенная, очень старая, но прочная, деревянная, с железными узорами у закруглённой ручки, – дедова. Пока бабушку не сбила машина, она очень быстро ходила. А теперь у бабушки диабет, и она не покупает сладкого.

На почте была большая очередь. Бабушка присела на стул, а Соня встала на её место. Перепрыгивая с ноги на ногу, она изучала маленький мир, в котором живут письма и газеты.

– Сонька, отстань-ка баловаться, – бабушка развязала ярко-фиолетовый с красными цветами платок и помахала им.

Девочка посмотрела на тонкие усики почтовых настенных часов, они сомкнулись в один толстый торчащий в сторону ус. Скоро от духоты и скуки Соня устала и прислонилась к почтовой стойке.

Когда до Сони дошла очередь, бабушка, тяжело дыша, поднялась и, прихрамывая, подошла к окошку. Пока она возилась с бумажками, девочка смотрела на маленького синего дракона, стоящего в стороне. Какой-то дедушка скормил ему свои письма. Такой прожорливый и такой худой. Соня потрогала узкий длинный рот дракона.

– Сонька?

Девочка обернулась. Бабушка отошла от стойки, пряча гомонок в сумку. Соня побежала вперёд, открыла и придержала непослушную дверь.

На улице, весело спрыгивая со ступенек, девочка посмотрела на небо. Солнце то и дело важно отворачивалось от неё, прячась в лохматые облака.

К остановке, кряхтя, подполз грязно-оранжевый автобус. Соня с бабушкой уселись вдвоём. Девочка положила голову на бабушкино плечо и поглядела в окошко.

Ехать до автостанции на рынок совсем близко, но Соне показалось, что автобус водит их за нос и нарочно едет какой-то заколдованной и неверной дорогой.

Путешествие по громкому и разноцветному муравейнику рынка очень быстро надоело Соне. Ей хотелось скорее в автобус и домой, но бабушка останавливалась у каждого прилавка, уточняла цену, подолгу рассматривала продукты. Она обошла чуть ли не все лавочки. Особенно долго бабушка спорила из-за крема «Мумиё», который стоил неделю назад на рубль меньше.

– Ай, какая хорошая девочка! Смотри, какие игрушки, – позвал Соню чернобородый голос.

Девочка стала рассматривать резиновые мячи, и ей приглянулся один – голубой с тёплым рисунком. На нём лохматый пёсик поднял ухо и звонко приветливо залаял. Девочка улыбнулась.

– Сонька! Сколько можно кричать? Оглохла? Айда скорее, автобус сейчас подойдёт.

Бабушка дёрнула внучку за руку. Соня посмотрела на неё.

– Сколько? – спросила бабушка продавца.

– Пятьдесят рублей.

– Э-эка-а-а-а…

– Сорок пять для вас.

Расплатившись, бабушка и внучка заспешили к автобусу. Там встретили бабу Тасю. Увидев соседку, она тут же стала жаловаться на врачей и больницы. Сонька прикрыла глаза и почти уснула. Сквозь дрёму она услышала недовольное шипенье.

– Непутёвой этой деньги сняла?

– Шшш! Таньке, Таньке. Кому ж ишо? Пособить надобно.

– Сдурела? Внучку-подкидыша воспитала, а та тебе правнучку на шею посадила!..

– Чего орёшь как оглашенная?!

Внутри у Сони сжался в клубок маленький ёжик. Девочка крепче обняла мячик с пёсиком.

На улице старушки неторопливо зашагали в сторону дома, а Соня погналась за отскочившим мячом. Девочка нашла его у песочницы. В песке вдруг что-то блеснуло. Соня бухнулась на колени и принялась рыть клад. Добралась до игрушечной железной тарелочки. Соня достала её и увидела на дне ямки чёрную землю. Девочка испугалась и скорее зарыла её, прихлопывая и приговаривая:

– Раз, два, три, чтобы не было войны!

Сонька знала: нельзя чёрное оставлять, это к ужасной беде.

– Егоза, – позвала бабушка.

Сонька схватила мячик и помчалась к подъезду.

Дома бабушка приготовила чай и поставила на стол смородиновое варенье. Сонька ела его ложками, щурясь от удовольствия. Бабушка одобрительно кряхтела и подливала в кружку кипяток. После чаепития она снова отправила внучку рисовать.

Девочка тихо бродила по дому. На цыпочках вместе с Хорьком шла по скрипучему тёмному коридору к двери, садилась на пол, прижималась к ней. И ждала, не заговорит ли скрипучим голосом её железная подъездная подружка. Но обе двери молчали. После этого Соня заглядывала на

кухню, недолго смотрела, как бабушка кипятит и красит связанные из разных ниток вещи, и опять уходила.

Потом, решив познакомить пёсика, который жил в мяче, со своим двором, Соня перенесла свои игрушки на подоконник. Но день уже расчёркивал тонкое небо цветными фломастерами. От этих раскрасок внутри у Сони чувство, которое утром щекотало её, заскулило. Девочка, бросив игрушки, пошла на кухню.

– Баба?

– Что?

– Расскажи сказку?

– Опосля посумерничаем. Нельзя днём сказки сказывать, не то в Бабу-Ягу превратишься.

– Кто? Я? – удивилась Соня.

– Не я же. Мне куда ишо старее? Принеси карты.

Внучка быстро сбегала за ними в спальню и вернулась. Когда бабушка стала гадать, Соня примостилась рядом.

Бабушка, задумчиво хмурясь, раскладывала карты веерами. Переворачивала по очереди, переставляла каждую и что-то иногда шептала. Сонька, заглядывая через её плечо, пыталась понять, что они отвечают. Но вскоре, фыркнув на Соню, бабушка собрала карты и взялась за кастрюли.

Девочка тихо вышла из кухни и побрела к окошку в комнате. Стала приставать к цветам. На подоконнике у бабушки был свой маленький палисадник: душистая бархатная герань с цветочными зонтиками, широкое старое алоэ и высокое сочное денежное дерево. Соня расковыряла в горшках рыхлую чайную заварку. Бабушка никогда не выбрасывала её, она сушила использованные пакетики. На кухне на окошке у них был целый солнечный пляж! Соня вытерла об себя руки и снова принялась рассматривать двор.

Он, опустив облезлые серые уши, жался от холода и засыпал. Общипанное ветром дерево держало в своих

руках последний осенний листок. А этот рыжий наглый листок вилял хвостом и норовил смыться к своей хозяйке. Баба Тася стояла под деревом с протянутыми руками. Сонька посмотрела на небо: разлив красно-оранжевую краску, день скользнул вместе с солнцем за крышу соседнего дома и исчез.

Облезлые качели, на которых обычно Соня каталась, были заняты какой-то взрослой девочкой. От озорных взлётов её чёрные недлинные волосы рассыпались, не касаясь плеч. Сонька взглянула на морковный кончик своей косички и тоже захотела на качели. Она покрутила головой, чуть вытянув утёнком губы, изображая тётенек из рекламы. Но её косичка не летала плавно и красиво, как того хотелось Соне. И девочка опустила голову, подпёрла ручками подбородок и снова принялась разглядывать мир за окном.

Вдруг во двор вполз ярко-жёлтый жук-такси. Соня, затаив дыхание, следила за его приближением.

– Сонька…

Соня обернулась на бабушкин голос и дёрнулась в сторону двери. Но тут же отвернулась и, вцепившись в подоконник, снова глазами нашла машину. Такси ехало очень медленно, словно осматриваясь по сторонам.

– Сонька!

Девочка даже привстала на носочки от нетерпения. Где же оно остановится?

– Сонька! Паразитка такая!

Машина остановилась возле их подъезда. Сонька бросилась на кухню.

– Закатай рукав, мешает, – попросила бабушка.– Ты чего такая ошаленная?

– Мама приехала! – Сонька метнулась к кухонному окошку.

Бабушка испуганно ахнула и тоже нырнула за занавеску к внучке. Но было поздно, они увидели только,

как захлопнулась дверь подъезда, и такси отъехало. Внучка и бабушка, словно наперегонки, бросились в коридор.

Задрожав вместе с бабушкиной рукой, щёлкнул выключатель. Бледно-жёлтый парашют света раскрылся под потолком. Притаившись и почти не дыша, Сонька и бабушка слушали стук приближающихся каблуков.

– Бабачка! – запищала радостно Сонька. – Открывай! Это мама!

– Тшш! – шикнула бабушка, сама же вытянулась, как струна контрабаса – вот-вот лопнет.

Цок-цок, цок-цок – звонко болтали каблуки у самой двери. Бабушка сжала руки. Сонька сердилась на неё: ясно же, что мама приехала, надо открыть ей дверь, чтобы она знала, что они тут, что они ждут её, очень ждут!
Цок-цок, цок-цок, цок-цок… Каблуки стали говорить тише и глуше. Бабушка посмотрела в глазок и отшатнулась от двери.

– Сонечка, иди порисуй. Скоро исть будем, – прозвучал сдавленный и чужой голос.

Бабушка тяжело заковыляла обратно на кухню. Оставшись одна, Соня долго не двигалась с места. Она медленно подошла к двери – прижалась ухом к её сердцу и услышала тишину. Тишина эта стала горчить во рту у Сони.

Потом девочка пошла в потемневшую спальню, высыпала фломастеры, исчеркала маленького толстого слонёнка в раскраске. Залезла под стол, прижала к себе Хорька, уткнулась носом в его облезлую голову и тихо заплакала.

Скоро глухой голос позвал её ужинать. Соня не отозвалась, она слушала предательское тиканье. Поглядев на часы, она заметила, что усы у них недовольно и обиженно опустились вниз. Бабушка больше не звала Соню. И девочка вздрогнула от этой тишины, она поскорее выползла из-под стола, вытянула за собой Хорька и побежала на кухню.

Войдя в комнату, Соня увидела на столе отложенные бабушкой деньги. Они были аккуратно перевязаны шерстяной апельсиновой ниткой. Бабушка убрала их в карман халата, затем молча спрятала глубоко в шкаф ненужную праздничную вазочку.

Соня села за стол. Вместе с Хорьком она смотрела, как остывает суп, как появляются и застывают круги жира. Птичка не ела суп. И Соня не ела.

– Соня, ишь, – мягко попросила бабушка, – Сонечка, ишь… – голос бабушки дрогнул.

Внучка подняла глаза и увидела, что плечи бабушки трясутся. Девочка испугалась! Она бросилась к бабушке, обхватила её своими тонкими ручонками, уткнулась в мокрое, как моченое яблоко, лицо и залепетала:

– Бабачка! Я скушаю весь-весь суп быстрее птички! Бабачка, хочешь! Я весь-весь скушаю, только ты не плачь! Бабачка, я буду хорошей девочкой, – Сонечка стала целовать бабушку в мягкие теплые яблочные щёки.– Я всегда буду кушать суп! Бабачка!

Бабушка плакала и обнимала внучку, крепко-крепко прижимая к себе. Качаясь вместе с девочкой, она говорила:

– Бедная моя масенькая, егозатушка моя золотая, морковонька моя…

Сонечка прошептала в самое ухо:

– Бабачка, ранешно ишо. Мама завтра приедет…

Бабушка ухнула, уткнулась лицом в Сонькино хлипкое плечико, но рыдать не стала, сильнее прижала внучку:

– Я нонче тебе скажу самую хорошую сказку. Хочешь?

– А я в Бабу-Ягу не превращусь? – испугалась Соня.

– Нет, ночью сказки можно сказывать, – беззубо рассмеялась бабушка, утирая слёзы.